



УДК 94(47)

**Н. В. ЧАРЫКОВ И ПОДГОТОВКА ВТОРОЙ ГААГСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ МИРА**

© О. А. ЧЕРНОВ

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия,  
кафедра отечественной истории  
E-mail: chernov@list.ru

**Чернов О. А. – Н. В. Чарыков и подготовка Второй Гаагской конференции мира // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2012. № 27. С. 1089–1093.** – *Статья посвящена исследованию деятельности российского дипломата Николая Валерьевича Чарыкова в ходе подготовки II Гаагской конференции мира.*

Ключевые слова: Н. В. Чарыков, II Гаагская конференция мира, международная безопасность, международное право.

**Chernov O. A. – N. V. Charykov and the preparation of the Second Hague conference of peace // Izv. Penz. gos. pedagog. univ. im. V.G. Belinskogo. 2012. № 27. P. 1089–1093.** – *This article is dedicated to a study of the activity of a Russian diplomat N. V. Charykov in the course of the preparation for the II Hague conference of peace.*

Keywords: N. V. Charykov, Second Hague conference of peace, international safety, international law.

В 1905 году (приказ от 1 апреля 1905 года) Н. В. Чарыков получил назначение в Нидерланды [4, Л. 7]. Здесь, в Нидерландах, русский посланник был занят в основном, решением международных проблем общевропейского и мирового значения.

Назначение Чарыкова, между тем, было осложнено тем, что на должность русского посланника в Гааге рассчитывал известный юрист-международник, к тому же заметный деятель I Гаагской конференции профессор Ф. Ф. Мартенс. Однако, император Николай II на соответствующий запрос наложил резолюцию: «Назначьте Чарыкова» [6, Р. 238].

Между тем, Ф. Ф. Мартенс, считал, по мнению В. В. Пустогорова справедливо, «что он справится лучше, чем граф Капнист с представлением России на Берлинской конференции по Африке, что лучше чем де Сталь он мог председательствовать на Гаагской конференции 1899 года, что он знал больше и был более опытен, чем князь Оболенский, что он имел большее знание, и понимание международной жизни чем Чарыков...» [6, Р. 315].

Николай Валерьевич Чарыков, с ранних лет был последовательным сторонником мира. Эта его убежденность значительно усилилась, после того как он вернулся с русско-турецкой войны 1877–78 годов, участником которой был. «Впечатления, полученные на войне, сделали меня принципиальным сторонником мира и мирных дипломатических методов» [7, Р. 18], – вспоминал он позднее. Неудивительно поэтому то, с каким энтузиазмом он включился в подготовительную работу перед созывом II Гаагской мирной

конференции. Он изучил материалы I конференции в Гааге 1899 года. В Государственном архиве Самарской области мной была выявлена копия одной из конвенций принятых на I конференции в Гааге выполненная собственноручно Н. В. Чарыковым [5, Л. 81].

Будучи в период подготовки II Гаагской конференции мира российским посланником в Нидерландах, Чарыков тесно сотрудничал с французским посланником. От него он узнал о позиции английского парламента относительно вопроса об ограничении вооружений. Российский дипломат согласился с французским посланником в том, что «...было бы возможно приблизиться, к этой симпатичной, по существу, цели не путём ослабления государственной обороны, а путём всё большего устранения поводов к международным столкновениям, на основаниях вынесенных алжезирасской конференцией» [2, Л. 2].

Французские дипломаты считали, что если бы удалось установить международное соглашение относительно справедливого и прочного обеспечения этих интересов согласно принципу «открытой двери», поставив их вне зависимости от особенных политических местных обстоятельств, как было сделано для Марокко, то, устранился бы главнейший повод к тем конфликтам в виду возможности которых современные государства считают необходимым постоянно усиливать свои вооружения [2, Л. 2]. Как итог такой тенденции некоторыми правительствами была высказана мысль о создании международного комитета, «... которому было бы поручено сгруппировать и распределить по категориям различные торгово-промыш-

ленные интересы, с точки зрения возможности постепенного их обеспечения» [2, Л. 2 об].

Чарыков весьма сочувственно отнёсся к первой части данной инициативы. Однако, что касается создания комитета, он высказал своё несогласие. По его мнению, создавать новое международное учреждение было нецелесообразно. «Было бы предпочтительно, – писал он, – и достаточно приурочить это дело, к Гагскому административному совету несколько расширив для этого круг ведения и организацию этого совета» [2, Л. 2 об]. Создание же особого учреждения в форме предполагаемого комитета лишь внесёт раздвоение в международную мирную деятельность.

«Кроме того, возникает опасность создания «международного парламента» с изъятием упомянутой деятельности из под контроля правительств осуществляемого через их ответственных дипломатических представителей», [2, Л. 3] – докладывал Чарыков.

Выход из складывающегося положения, по его мнению, состоял в том, чтобы возложить новые функции на уже существующий Гагский административный совет сверх указанных в статье 28 конвенции 29 июля 1899 года – «обязанность и право предварительного рассмотрения и подготовительной разработки тех вопросов, которые были бы переданы ему с этой целью конференцией, в ожидании собрания следующей конференции...» [2, Л. 3].

Однако и тут была своя сложность, которая заключалась, по мнению Чарыкова, в том, что Гагский административный совет «по крайней мере, в теперешнем его составе, не в силах разрабатывать специальные вопросы торговли, промышленности или международного права» [2, Л. 3].

Российский посланник полагал, что необходимо создать при совете особый круг лиц – «учёных специалистов», которые, обладая совещательным голосом, под руководством Генерального секретаря разрабатывали бы отдельные вопросы, а уже собственно Административный совет принимал бы по ним решения. Кроме того, «было бы желательно предоставить ему... право принимать всякие соприкасающиеся с задачами конференции мира заявления и проекты от правительств, учёных, общественных и частных лиц... без... ответственности за дальнейшее направление и судьбу означенных поступлений», – писал он [2, Л. 3, 3 об]. Данные нововведения имели бы, по мнению дипломата, самые положительные следствия.

Ранее разрозненное и спорадически проявляющееся в различных сферах и государствах, «мирное движение... получило бы одно постоянное объединяющее средоточие, обладающее достаточной компетенцией для надлежащей оценки различных проявлений упомянутого о движения и состоящее притом в непосредственной зависимости от правительственной власти», – подчёркивал он [2, Л. 3 об].

Данный проект, по мнению Чарыкова, можно было бы со временем оформить как новый вариант пятого отдела Конвенции о мирном решении международных споров: «о заблаговременных соглашениях по вопросам промышленности и торговли» [2, Л. 3 об].

Выясняя позицию Великобритании, он заметил, что твёрдого решения в этой стране относительно внешения пункта об ограничении вооружений на рассмотрение II Гагской мирной конференции не принято. Однако есть заявление правительства о своём содействии данному установлению. Чарыков считал, что также инициатива должна встретиться со стороны России – инициатора подобного рода конференций, сочувствие, но при условии поддержки данного решения другими державами [2, Л. 4].

В США известный морской писатель, участник I конференции в Гааге Маган высказал мысль о необходимости ограничения вооружений – «хотя бы на море» [2, Л. 4]. Капитан Маган полагал необходимым ограничение числа крупных кораблей. Н. В. Чарыков поддержал данную инициативу «Для нас, писал он, – осуществление мысли ... Магана, казалось бы, весьма желательным, во-первых, потому, что постройка, новых, даже самых первоклассных броненосцев, требовала бы сравнительно меньших затрат и, во-вторых, потому, что ограничение размеров броненосцев положило бы предел увеличению калибра судовых орудий и толщины судовой брони, с выгодой для наших береговых орудий и укреплений» [2, Л. 4 об].

Поскольку в случае постоянного характера данного проекта могли возникнуть возражения. Чарыков полагал необходимости придать ему срочный характер – на десять лет с дальнейшей пролонгацией.

Российский дипломат приветствовал решение Совета межпарламентского союза принявшего за основу русский проект в вопросе о создании арбитражного трактата [2, Л. 4 об].

Немаловажным представлялся Чарыкову вопрос о признании неприкосновенности частной собственности на море в военное время. Он установил, что данный вопрос будет допущен к обсуждению на II конференции. Однако Чарыков опасался, что российские интересы могут пострадать, так как в самой России не было единого мнения на этот счёт. Если министерство торговли выступало за данный проект, то морское ведомство – против. Российский посланник полагал, что интересы двух наших дискутирующих ведомств, вполне было возможно примирить [2, Л. 5 об].

Основанием для подобного согласования послужило бы, по его мнению, «принципиальное признание императорским правительством желательности распространения на морскую войну действующего правила об охране частной собственности во время сухопутной войны с присоединением... таких... ограничений, которые обеспечили бы русскому флоту возможность вредить не менее широко, чем теперь, неприятелю, имеющему значительный торговый флот, или нуждающемуся в привозном продовольствии или... сырье» [2, Л. 6].

Данные ограничения состояли в следующем: 1) неприятельские коммерческие суда, нанятые неприятельским правительством, или оказывающие последнему какие бы то ни было услуги, или обязанные состоять, в его распоряжении в военное время, а равно и находящиеся на означенных судах частная собствен-

ность неприятеля правом неприкосновенности не пользуется;

2) неприятельские коммерческие суда, перевозящие военную контрабанду, подлежат со всем находящимся на них неприятельским частным и государственным грузом, безвозмездному захвату, конфискации или уничтожению по усмотрению воюющей стороны;

3) в случае военной необходимости, неприятельские коммерческие суда, не подлежащие под вышеозначенные категории, могут быть захватываемы и уничтожаемы воюющей стороной, но с тем, чтобы по окончании войны, собственникам данных судов или находившегося на них груза были возвращены принадлежащие им суда и грузы, либо возмещена их стоимость [2, Л. 6]. Решение по всем спорам, которые неизбежно возникли бы при исполнении данной процедуры, Н. В. Чарыков полагал необходимым возложить на Гаагскую постоянную палату третейского суда [2, Л. 6 об].

Кроме того, он предлагал «оговорить для воюющих сторон самое широкое право в определении того, что считать военной контрабандой, допуская... включение и продовольственных припасов, сырья... и даже самих коммерческих судов тех типов, которые пригодны для военных целей» [2, Л. 6 об].

В качестве модели же для правила о неприкосновенности частной собственности на море мог бы послужить, по его замыслу, текст статьи 20 итало-американского трактата 1871 года «с добавлением слов «кроме военной контрабанды», и до слов «с возложением...» [2, Л. 6 об].

Н. В. Чарыков считал, что с точки зрения международного права и интересов мирного «производительного» населения земного шара данное международное соглашение принесло бы немалые выгоды, поскольку захват неприятельской частной собственности на море, бывший до той поры правилом стал бы исключением, были бы обеспечены от безвозмездного захвата все торговые суда, грузы и предприятия, и в случае захвата такой частной собственности воюющей стороной в силу военной необходимости, всем потерпевшим было бы обеспечено справедливое возмещение убытков» [2, Л. 6 об].

С точки зрения русских военно-морских интересов такое соглашение представлялось Чарыкову весьма выгодным: оно «ничем бы не стеснило принятия против неприятеля ... всех тех мер, которыми и ныне располагает наше морское ведомство» [2, Л. 7]. «Уплата же вознаграждения потерпевшим ... падёт на победённого» [2, Л. 7], – заметил он. Российский посланник считал, что данный проект может быть наверняка принят за правило, так как ещё на I Гаагской мирной конференции он нашёл ряд сторонников. Не менее важным представлялся ему и вопрос, поставленный США – насколько возможно применение силы для взыскания государственных долгов? Н. В. Чарыков считал, что европейские государства вполне бы могли установить обязательство не прибегать к вооружённой силе при принуждении кого-либо из участников вы-

рабатываемого соглашения к уплате обыкновенных государственных долгов, проистекающих из договоров под условием установления следующих ограничений:

1) Даруемое обязательство не имеет обратной силы и относится только к последующим договорам;

2) Данное обязательство касается не международных договоров, а лишь таких, в которых участниками является с одной стороны государство, а с другой – иностранное частное или юридическое лицо;

3) В случае возникновения спора по поводу подобного договора, Державы обязуются предоставить решение его Гаагской палате третейского суда, причём последняя обязана рассмотреть дело не только по форме, но и по существу, независимо от того является ли в данном споре, государство или же частное лицо... истцом или ответчиком;

4) Компетенция Гаагской Постоянной палаты третейского суда должна быть распространена на вышеозначенные споры с надлежащим дополнением правил судопроизводства Палаты;

5) Принимая на себя обязательство, добросовестно подчиниться третейскому решению данного спора, договаривающиеся державы предоставляют себе полную свободу в выборе способов к обеспечению в случае необходимости точного исполнения состоявшегося решения. [2, Л. 9 об., 10]

Он заключил, что: «При таких ограничениях, права, уже приобретённые русскими подданными, остаются обеспеченными по прежнему; новые договоры будут заключаться, имея в виду установленное на конференции соглашением; решение Гаагской палаты создаёт для истца неоспоримое юридическое и нравственное право, а вооружённая сила будет впредь в подобном случае, применяться только для защиты и осуществления такового» [2, Л. 10].

Продолжая отслеживать события, Н. В. Чарыков сообщал в российское министерство иностранных дел, что на Панамериканском конгрессе... будет обсуждаться вопрос о силе как средстве для взыскания долга. Российский дипломат полагал, что на предстоящей II Гаагской конференции в виду высказываемого американцами мнения, между Россией и США «могла бы установиться на почве вышеизложенных здравых взглядов, некоторая общность воззрений» [2, Л. 13 об].

К этому заключению он пришел, узнав, что американские инициативы вполне созвучны разработанному им проекту (разумеется, выгодному для России, как сказано выше).

Чарыков приветствовал решение Англии не наращивать своего военно-морского флота. Однако англичане ставили это предполагаемое решение в зависимость от того, какое решение будет принято всеми державами на предстоящем Конгрессе. По его мнению, для успеха английского предложения требовалось, чтобы Германия и Франция не наращивали бы дальше свои военно-морские программы и остановились бы на суммах, утверждённых в парламентах [2, Л. 17]. Чарыков полагал, что говорить теперь же об ограничении вооружений сразу означало испортить всё дело. Важно, считал он, чтобы для начала прошли «прими-

рительные решения... по вопросам арбитража, нейтралитета и, в особенности, частной собственности на море» [2, Л. 17].

Чарыков увлечённо работал над подготовкой конференции, но он всецело соблюдал российские интересы, вовсе не увлекаясь пустым прожектёрством. Так, когда российскому правительству понадобилось замедлить созыв конференции (дабы затруднить для Японии возможность развязывания войны) Н. В. Чарыков тут же включился в исполнение этого пожелания. По его мнению, прежде всего, было необходимо соблюсти это намерение в тайне. Кроме того, нужно настаивать на самой тщательной подготовительной работе, добиваясь установления «полного, предварительного, конфиденциального соглашения о работах конференции с Францией, Англией, Германией и США» [2, Л. 45 об].

В добавление к этому он предлагал развернуть информационную работу в нужном русле через российские и иностранные газеты – объяснять задержку новизной, чрезвычайной важностью рассматриваемых вопросов, подчеркивать их невероятную сложность. Н. В. Чарыков говорил, что будет весьма «...полезно сообщить... что наша Межведомственная комиссия снова собралась, тогда-то... как подвигаются её работы, что английские и североамериканские предложения о расширении обнародованной русской программы конференции обсуждаются приглашёнными правительствами», [2, Л. 45 об.] что необходимо опросить мнение 36 государств-участников. В пользу России в данном случае было и то, что голландское правительство готово было принять конференцию только в мае – сентябре, таким образом, дотянув до осени, конференцию бы автоматически пришлось перенести на будущий год. Эти меры позволили бы российскому правительству достигнуть желаемой цели без «нравственного ущерба» для себя и, не подвергаясь «упрёку в нечувствительности гуманитарным задачам Гаагских совещаний, или в создании искусственных препятствий заинтересованным правительствам... общественным и учёным организациям», [2, Л. 45] – писал Н. В. Чарыков.

Вновь обращаясь к вопросу об ограничении вооружений, Н. В. Чарыков докладывал министру иностранных дел России А. П. Извольскому, что по его сведениям британское правительство предложило вынести на обсуждение конференции вопрос об ограничении вооружений вовсе не из собственных гуманитарных побуждений. Дело заключалось в том, что правительство, добиваясь власти, обещало сократить военные расходы и обратить своё внимание на развитие международного арбитража. Впрочем, Чарыков отмечал, что свою лепту внесли и сложившиеся к этому благоприятные условия, без которых британское правительство вряд ли бы выступило с такой инициативой [2, Л. 20]. А вот в истинности положительных намерений в данном вопросе со стороны США российский дипломат сильно сомневался. Этому противоречила, по мнению Чарыкова, «империалистская политика, преследуемая президентом Рузвельтом» [2, Л. 20 об].

Выясняя позицию ближайшего союзника России – Франции, он пришёл к заключению, что Франция считала позицию Германии и её союзников в этом вопросе отрицательной. «Нельзя ожидать согласия Германии и за нею Австро-Венгрии и Италии на обсуждение Гаагской конференции упомянутого вопроса», – сообщал о взгляде Франции на этот счет российский посланник [2, Л. 21 об].

В конце 1906 года Чарыков отметил со стороны Великобритании меры направленные на то, чтобы обезопасить себя от негативных экономических последствий вероятной новой войны между Россией и Японией. Тревогу он отмечал и среди голландских держателей российских акций. Всё это было, по мнению Чарыкова, следствием усиления милитаризации в Японии. Он добавлял, что если бы Владивосток был «готов» и проложен второй путь Сибирской дороги таких бы волнений не возникло [1, Л. 2, 2 об]. Он отмечал, что «японские вооружения являются нехстати и по отношению к конференции» [1, Л. 2, 2 об] – они разубедили президента США Рузвельта в необходимости обсуждения вопроса о разоружении. В связи с этим Н. В. Чарыков считал, что если и Великобритания перестанет настаивать на включении данного вопроса в программу конференции, то «может отпасть главное формальное препятствие к скорому созыву конференции» [1, Л. 2, 2 об]. В этом случае останется только доктрина Драго, «о прибавлении которой к нашей программе нельзя будет быстро сговориться» [1, Л. 2, 2 об].

Кроме того, он заметил, что изменилось настроение участников. «Общее миролюбивое настроение... всё более сменяется тревожными и менее примирительными ожиданиями, неблагоприятствующими собранию II Конференции», – писал он А. П. Извольскому в частном письме в 1906 году [1, Л. 2, 2 об]. Между тем, российское правительство сочло возможным созвать конференцию. В Гаагу прибыли крупный специалист в области международного права профессор Ф. Ф. Мартенс и дипломат Б. Э. Нольде. Вместе с Н. В. Чарыковым они вплотную занялись решением последних подготовительных вопросов связанных с созывом указанной конференции. В связи с этим российский посланник высказал замечательный план, как использовать растущую агрессивность Японии в своих интересах. «Имея в виду заботливость Японии, казаться цивилизованной державой и заручаться... почтением западного общественного мнения и тот факт, что собранию II конференции уже раз помешала война Японии с нами ... японцы не решаться напасть на нас ни перед конференцией ... ни сейчас же после» [1, Л. 6 об], – размышлял он. В связи с этим Чарыков предложил объявить о созыве конференции как можно быстрее, а дату назначить как можно более отдалённую – всё это позволит выиграть время. Мысль его впоследствии блестяще воплотилась.

Так же, Н. В. Чарыков обратил пристальное внимание на японо-корейские отношения. Он докладывал о работе в Гааге корейской делегации, которая пыталась привлечь внимание мировой общественности к агрессивной антикорейской политике Японии.

По его данным, делегация имела «шумный успех» среди публики, и «Хотя эти разоблачения, – писал Н. В. Чарыков, – не могут привести к заступничеству какого-либо правительства за Корею, они, вероятно, не останутся без влияния на настроение европейского общественного мнения по отношению к Японии. Они доказывают, во всяком случае, что дело японского проникновения в Корею не обстоит так благополучно, как это можно было думать» [3, С. 221–222].

Н. В. Чарыков писал, что «страх перед Японией и опасение, что она под каким-нибудь предлогом захватит часть Голландской Индии, а то и всю ее, продолжают удручать здешнее правительство и обязывают его тщательным образом избегать всего, что могло бы не понравиться японцам. Главная голландская газета от 21 июля 1907 г., посвятив отречению от престола корейского императора обширную статью, заключила ее следующими замечаниями: «Господство Японии может еще стать для Кореи благодеянием; до сих пор оно таковым не было. Японцы обладают в высокой степени способностью усваивать полезные примеры. Эта способность может им очень пригодиться, если они станут поучаться у тех народов, которые уже преуспели в области колонизации. Для нас, нидерландцев, будет крайне важно следить со вниманием за опытами этой новой колониальной державы»» [3, С. 221–222].

Что касается позиции Германии, Чарыков пришёл к выводу, что последняя настроена достаточно миролюбиво, но опасается оказаться на данной конференции в изоляции. Он высказал мысль о необходимости некоторой помощи Германии в данном вопросе. Тогда конференция за итоги работы, которой российское правительство с точки зрения своих интересов опасалось, «может принести и политическую пользу» [1, Л. 10, 10 об], – резюмировал он.

В результате кропотливой подготовительной работы конференция состоялась и Н. В. Чарыков принял в ней участие как полномочный делегат.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Личный архив А. П. Извольского. Оп. 835. Д. 22.
2. АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 4906.
3. Пак П. Д. Россия и Корея. М., 1979.
4. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1405. Оп. 528. Д. 230.
5. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 143. Оп. 1. Д. 25.
6. Pustogarov V. V., Our Martens. International Lawyer and Architect of Peace. Edited and translated by W. E. Butler. The Hague: Kluwer, 2000. (Original Russian edition, 1993).
7. Tcharykow N. V. Glimpses of high Politics. London, 1931.